Его манера массировать была очень хорошей — боли не чувствовалось, зато возникло ощущение, будто тебя окутывает тепло.

Плечи Лян Сымяня были очень хрупкими. Мэн Юнькэ слегка размял их, обхватив плечо ладонью, и кожа тут же покраснела.

— Терпимо? — тихо спросил он прямо у уха Лян Сымяня.

Тот на мгновение потерял связь с реальностью.

— М-м, — тихо отозвался он.

У Мэн Юнькэ были крупные ладони с длинными сильными пальцами. Растирая шею и ключицы, он разогрел кожу до горячего состояния.

Лян Сымянь закусил губу, изо всех сил стараясь не издавать странных звуков.

Тупая боль в плечах постепенно утихла. Мэн Юнькэ проработал их около пяти минут, прежде чем его тёплая ладонь наконец отстранилась.

От напряжения Мэн Юнькэ слегка запыхался. Поправив тыльной стороной ладони сползшие очки, он вытянул салфетку, чтобы вытереть с рук остатки лечебного масла.

— Думаю, теперь будет гораздо лучше. Вернёшься домой — сделай ещё прогревание.

Лян Сымянь опустил голову, застёгивая пуговицы на воротнике, и пробормотал совсем тихо:

— Спасибо… брат Мэн.

Пуговицы ещё не были до конца застёгнуты, как в дверь постучали, и внутрь вошёл Фэн Яо.

— Управляющий, пришёл клиент забрать цветы, — он бросил взгляд на Лян Сымяня. — Говорит, цвет роз перепутали. Посмотрите?

Мэн Юнькэ кивнул, вытер руки салфеткой и, поднявшись, вышел из комнаты отдыха.

Лян Сымянь смущённо потёр нос: ему казалось, что от его лица буквально идёт пар.

— Не нервничай так, — сказал Фэн Яо. — Родители нашего управляющего — врачи традиционной медицины, он тоже кое-что понимает. Он со всеми так обходится, к тому же ты

пострадал из-за него.

Лян Сымянь моргнул, слегка озадаченный, но Фэн Яо уже торопил его выйти, чтобы продолжить работу.

Когда дневная смена закончилась и спустились сумерки, Мэн Юнькэ закончил дела и запер магазин.

Уходя, он вдруг кое-что вспомнил:

— Кстати, Сяо Фэн, в последние пару дней не приходило никаких странных писем?

Фэн Яо покачал головой:

— Нет.

— Если в следующий раз что-то подобное придёт, отдавай сразу мне. Не открывай.

Мэн Юнькэ повесил на стеклянную дверь U-образный замок и передал ключи Фэн Яо.

Лян Сымянь стоял с совершенно растерянным видом.

— Каких ещё странных писем?

— Кто-то присылает управляющему странные письма, — объяснил Фэн Яо. — Не знаю, может, конкуренты… Не бери в голову, он сам со всем разберётся.

Троица попрощалась на площади. Мэн Юнькэ отправился домой пешком, Фэн Яо взял напрокат велосипед. Лян Сымянь ушёл последним и поехал домой на автобусе.

Осень вступала в свои права. По дороге домой Лян Сымянь пребывал в полузабытьи. Ему казалось, что освежающий запах лечебного масла всё ещё витает вокруг него, и он не мог удержаться от мыслей, которые лезли в голову сами собой.

Мэн Юнькэ со всеми так обращается?

Или это из-за чувства вины он проявляет к нему особую доброту?

Лян Сымянь не мог найти ответа, но его это не особо и беспокоило.

Дома мать уже приготовила ужин и собиралась накрывать на стол.

— Сяо Мянь, где ты был вчера вечером? — невзначай спросила она.

Лян Сымянь помыл две пары палочек для еды:

— Ничего особенного. Вечером делал уроки, проголодался, спускался купить поесть.

По телевизору передавали экстренные новости, мать прибавила звук пультом.

— Ты принимал лекарства как следует? Не ешь по ночам, от этого бывает бессонница, — она вздохнула и собрала в пучок свои слегка вьющиеся каштановые волосы. — Мама волнуется. Прошло уже пять лет, а твоя болезнь всё возвращается и возвращается. Если снова придётся ложиться в больницу…

— Не придётся, — Лян Сымянь уткнулся в тарелку. — Со мной всё в порядке.

Мать смотрела на него с явной тревогой.

— С тех пор как мы расстались с твоим отцом, у меня почти не оставалось времени на тебя, — сказала она. — Сяо Мянь, мама хочет только одного — чтобы ты был здоров.

— М-м, — Лян Сымянь выдавил улыбку, но в его глазах стояло спокойствие застоявшейся воды. — Я знаю. Я тоже тебя люблю, мама.

Мать перебирала палочками мясо в остром соусе, разглядывая сына с крайне сложным выражением лица.

Поколебавшись, она произнесла:

— Твой отец снова звонил мне. Он очень хочет встретиться с тобой.

Лян Сымянь повернул голову. Хотя на лице его всё ещё сохранялась улыбка, тон внезапно стал невыносимо язвительным:

— Встретиться со мной? Разве он не бросил нас давным-давно?

— Мама, если вы не могли сдержать обещание, зачем вы вообще меня родили?

В его взгляде вспыхнула ярость — ненависть, рождённая из неразделённой любви.

Он смотрел прямо на мать, но тут же отвёл глаза и снова уткнулся в тарелку.

Мать вздохнула — она уже привыкла к переменам в настроении сына.

— Сяо Мянь, нельзя вечно ненавидеть отца, — сказала она. — Пора бы повзрослеть.

Лян Сымянь усмехнулся и в молчании продолжил есть.

После ужина сын занялся мытьём посуды, а мать рано ушла к себе в комнату отдыхать.

Тёплая вода смывала жир с тарелок.

Воспоминания прошлых лет хлынули, подобно потоку.

— Когда моешь посуду, обязательно смывай всю пену от средства, хорошо?

Мужчина прикрывал его маленькое тельце сзади, а под ногами у ребёнка стояла табуретка, которую мужчина придерживал своими ногами, чтобы она не скользила.

— Когда папы не будет дома, Сяо Мянь сможет помогать маме мыть посуду.

— С чего ты взял? Папа просто очень занят на работе, это не значит, что он собирается уходить. И мама ему нравится, не бери в голову.

Малыш на табуретке постепенно подрастал.

— Как папа может тебе врать? Сяо Мянь, мы с мамой родили тебя, потому что хотели всегда быть рядом. Ты — моё обещание маме.

— Нет, Сяо Мянь, папа не разлюбил маму, папа просто…

Табуретка опрокинута, ребёнок врывается на кухню, разбивает все тарелки, осколки разлетаются в стороны, оставляя на руках кровавые полосы.

— Да, Ли Сымянь, ты правда хочешь услышать правду? Я никогда не любил твою мать, и женился на ней только из-за тебя. Теперь ты вырос, и я больше не хочу притворяться.

Лян Сымянь пустым взглядом смотрел на струю воды. Когда он пришёл в себя, вода в раковине уже переливалась через край, подобно водопаду.

http://bllate.org/book/35239/4353321